

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

DOI: 10.17805/zpu.2015.3.16

Утверждение династии: общественная мысль и государственная идеология о царской власти первых Романовых

Г. В. ТАЛИНА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье характеризуется тип власти, сложившийся в России при первых Романовых. Основой анализа служат сочинения современников и труды отечественных и зарубежных историков.

Отмечается, что главным достижением официальной идеологии XVII в. стало закрепление представлений о Романовых как о династии. Характеризуются способы достижения данного результата. Уделяется внимание методам позиционирования власти царя как власти, сопоставимой на европейском уровне с властью королевской, претендующей на повышение статуса до императорского. Проводится сравнение представлений о царстве, выработанных официальными идеологами, с концепциями общественных мыслителей. Выясняются возможности альтернативного решения проблемы развития монаршей власти в России XVII в.

Показано широкое распространение в общественной мысли идей Аристотеля, переосмысление в условиях XVII в. его сочинения «Политика». Самодержавная монархия стала типом власти, который противопоставляли тирании, за распространение которого ратовали как общественные, так и государственные идеологи.

Анализируется эволюция российского герба, характеризуются новшества, сохранившиеся в дальнейшем, и не прижившиеся изменения.

В статье рассмотрены концепции таких отечественных исследователей, как Н. П. Павлов-Сильванский, Ф. В. Тарановский, М. В. Шахматов, С. В. Юшков, Л. В. Черепнин, В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. Среди школ, сложившихся в зарубежной историографии, рассмотрены подходы сторонников теории «военной революции», а также П. Андерсона. Делается вывод о том, что для современников основой понимания власти являлись характеристики государя. Для профессиональных историков понимание власти, сложившейся в XVI–XVII вв., невозможно без понимания государственного аппарата, рассмотренного в эволюции. Охарактеризована позиция автора статьи, предполагающая выделение национального и европейского типов абсолютизма, развивавшихся в России.

Ключевые слова: история России, русская государственность, русская монархия, сословное представительство, абсолютизм, великий князь, государь, царь, самодержец.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема становления и трансформации монархической власти по праву занимает одну из ведущих позиций при рассмотрении закономерностей и случайностей эволюции российской государственности. Великие князья, цари, императоры сменяли друг друга на престоле. Одни из них, такие как Ярослав Мудрый, Иван Грозный,

Петр I, Екатерина II, стали символами русской монархии, имена других стерлись из памяти потомков. Многовековая история русской монархии насчитывает десятки властодержателей, но всего две династии — Рюриковичей и Романовых. Их родство было столь отдаленным, что восхождение Романовых на престол могло оказаться невозможным, не столкнусь страна на рубеже XVI–XVII вв. с перипетиями Смуты. Родоначальник Романовых — Михаил Федорович относился к так называемым выборным царям, приход к власти которых оправдывался решением земских соборов. Выборные монархи — предшественники Романова (Борис Годунов, Василий Шуйский) не смогли передать власть своим потомкам. Потомкам Михаила Романова удержать власть и сделать ее достоянием своего рода удалось.

Наша цель — показать, какими способами первым Романовым удалось закрепить власть своей династии. Одновременно с этим обратимся к оценкам официальной идеологией XVII столетия статуса русского царя в сравнении с властью других европейских монархов рассматриваемого периода. Ответим на вопрос о том, равен ли русский царь королю или же его власть близка к императорскому достоинству. Сопоставим представления о царстве, выработанные в XVII в. официальной идеологией, с концепциями общественных мыслителей — современников первых Романовых. Постараемся ответить на вопрос: существовала ли альтернатива тому сценарию развития монаршей власти, которая реализовалась в допетровской «Романовской» России? Отдельно остановимся на трактовке власти первых Романовых, данной в отечественной и зарубежной историографии.

Сразу оговоримся: профессиональными историками тип власти, сложившийся в России в XVII в., рассматривается как трансформирующееся явление, не прекращающийся процесс эволюции. Единого мнения об этапах этого процесса не существует. Для одних XVII столетие развивает и завершает те властные формы, которые сложились в XVI в. Для других — в XVII в., особенно во второй его половине, начинается новый этап развития власти, которому будет суждено продолжиться в XVIII столетии и позднее. В силу этого можно говорить об узких и широких хронологических рамках настоящей статьи. Узкие в первую очередь определены тем источниковым материалом, который нам предстоит проанализировать. Он относится к трем царствованиям — Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича (в совокупности это с 1613 по 1682 г.). Нижняя хронологическая граница широких рамок опустится до середины XVI столетия, адресовав нас к концептам официальной идеологии, которые будут развиваться при первых Романовых. Важнейшая точка отсчета — принятие русскими великими князьями царского титула. Середину XVI в. в качестве начала нового этапа в развитии власти будут рассматривать и многие историки. Для них основным новшеством станет появление Земского собора и представительных учреждений местного уровня. Верхняя хронологическая граница широких рамок в ряде случаев может подниматься и до середины XIX столетия, следуя за рассуждениями отдельных представителей исторической мысли, усматривавших главный фактор трансформации русской монархии в Великих реформах Александра II.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ XVII В. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

Характеризуя монархию, сложившуюся при последних Рюриковичах и развивавшуюся при первых Романовых, нельзя не учитывать факторы, определяющие развитие самого государства. Знаменитая фраза «Государство — это я», приписываемая

Людovicу XIV, хотя и демонстрирует возросшие амбиции абсолютных монархов XVII в., вовсе не доказывает возможность подмены государства государем. Система органов государства, через которые осуществлялась государственная власть, в этот период разрасталась и совершенствовалась. Признаки монархии XVI–XVII вв. — совокупность характеристик не только правителя, но и государственного аппарата.

Что есть власть? Каков тип этой власти? Вопросы, которые и в XVII в., и в настоящее время ставятся и решаются с существенными различиями. В своих рассуждениях наши предки шли «от государя», мы — скорее «от государства», рассматривая его в эволюции.

В первой половине XVI в. можно говорить о завершившемся процессе объединения земель вокруг Москвы, с реформ Избранной рады — о раннем централизованном государстве. Связи между властью и обществом становились более прочными и ощутимыми. Возникла необходимость определения как способов вхождения общественного элемента в систему властно-управленческих отношений, так и перспектив становления и развития представительной системы. Элементы представительства формировались на двух уровнях; земские соборы в центре, губные и земские избы — на местах; они возникли в середине XVI в. и развивались весь XVII в. Если сохранились представительные учреждения, изменился ли тип монархии?

Вопрос о типе монархии второй половины XVI — XVII в. разные историки и исторические школы решали различно.

Одна из концепций была предложена в конце XIX — начале XX в. Н. П. Павловым-Сильванским. Период XVI — середины XIX в. он называл «сословным государством» и выделял в нем эпоху московской сословной монархии и эпоху петербургского абсолютизма, не считая, что реформы Петра I изменили суть российской государственности. Сословному строю и абсолютизму могли противостоять только новый свободный гражданский порядок и переход к буржуазно-правовой монархии, связанные с отменой крепостного права в России и Великими реформами царствования Александра II (Павлов-Сильванский, 1910).

В первой половине XX в. отечественные исследователи-эмигранты (Ф. В. Тарановский, М. В. Шахматов) делили исторические типы монархии на абсолютную, конституционную и умеренную (среднюю между абсолютной и конституционной). Форму русского государства, сложившуюся в XVI–XVII вв., определяли как сословную монархию — один из типов умеренной монархии. Для Шахматова было характерно говорить о XVII в. как о времени перехода от сословной монархии к самодержавно-бюрократическому периоду (Тарановский, 2004: 293, 323–324; Шахматов, 2009: 26).

В отечественной историографии XX в. закрепилось определение «сословно-представительная монархия», введенное С. В. Юшковым (Юшков, 1961: 236). Дискуссия о сословном представительстве в первую очередь базировалась на разном понимании роли и функций земских соборов. Во многом благодаря известной работе А. В. Черепнина закрепилось мнение о том, что Земский собор 1653 г. стал последним полнокуриальным. Время второй половины XVII столетия стало трактоваться как перерастание сословно-представительной монархии в абсолютную, а взаимодействие монаршей власти с выборными общественными представителями на центральном уровне — как совещания с сословными комиссиями (Черепнин, 1978). В целом для советской историографии было характерно связывать утверждение абсолютизма в России с реформами Петра I.

В современной отечественной историографии определения «сословно-представительная монархия» и «абсолютная монархия» признаются большинством историков. Одновременно с этим в ряде работ период сословного представительства называется земским государством — стадией, переходной от удельно-вотчинного к абсолютному государству. Власть монарха в XVI–XVII вв. не была ограничена со стороны общественных групп, находившихся в стадии формирования на уровне квазисословий. Русская монархия являлась «патронажной» ко всем слоям населения. Роль барометра политических и социальных проблем в такой (православно-самодержавной) монархии играл Земский собор. Абсолютистское государство, приходящее на смену земскому государству, характеризуется как административно-сословно-служилое (Ильин, Ахизер, 1997; Морова, 2008).

Проблема эволюции российской государственности получила отражение и в зарубежной историографии. В большинстве случаев тема рассматривалась в контексте общемировых процессов. В силу того что становление абсолютизма в Европе происходило ранее, нежели в России, датировать утверждение российского абсолютизма временем реформ Петра I — первой четвертью XVIII столетия было не характерно. Ряд исследователей, шедших в своих рассуждениях «от абсолютизма», усматривали характерные признаки этого типа монархии ранее XVIII столетия.

П. Андерсон периодом установления абсолютистских режимов в Европе считал XVII столетие и полагал, что абсолютизм — закрепление господства аристократии. Восточноевропейский абсолютизм отличался от западноевропейского тем, что: 1) устанавливался параллельно, а не после ликвидации крепостного права, 2) на его установление в большей степени влиял внешний фактор — войны стран Западной Европы и Восточной Европы. Фактически главным показателем абсолютизма выступала профессиональная армия, складывавшаяся в России со времен Ивана Грозного, когда в стране существовал «протоабсолютизм» (Андерсон, 2010).

Англо-американская традиция изучения абсолютизма породила теорию военной (пороховой) революции, основоположником которой стал М. Робертс (Roberts, 1967). По его мнению, в Европе 1560–1660 гг. происходила революция военной тактики и стратегии, войны стали короче и разрушительнее. Для развития военной мощи государств требовалось усиление центральной власти. В итоге в период второй половины XVII — XVIII в. произошли становление европейского абсолютизма с присущим ему разветвленным бюрократическим аппаратом и регулярной армией; развитие мануфактурной промышленности; выдвижение на первый план в политической жизни «третьего» сословия. В исследованиях Р. Хелли «триумф пороховой революции» в России был отнесен к периоду 1654–1667 гг. (Hellie, 1971). Современный отечественный исследователь В. В. Пенской проанализировал возможности теории военной революции применительно к российским условиям, отнеся окончательное становление регулярной армии европейского типа в нашей стране к первой четверти XVIII в. (Пенской, 2004).

В ряде работ автором данной статьи было предложено свое решение проблемы (см.: Талина, 2010, 2014). Представляется возможным говорить о второй половине XVII в. в России как о времени формирования «национальной» модели абсолютистского государства, противостоящей той европеизированной форме, которая в свое время, в первой четверти XVIII в., будет предложена и осуществлена Петром I. «Богоданный», самодержавный монарх второй половины XVII в. — глава государства, постепенно трансформирующий Боярскую думу в государственное учреждение, подчинен-

ное монарху, выражающее в своей деятельности интерес государства, а не отдельных сословий. Новую стадию трансформации монархии отражает законодательство — Соборное уложение 1649 г. Задуманной, но не осуществленной реформой было предложение о превращении думской деятельности в самостоятельный функционал — законотворческую работу, не сочетающуюся с иными видами государственной деятельности. Иерархическая система управления, подчиненная монарху, на центральном уровне представлена приказами, на местном — сочетанием выборных учреждений (губных и земских изб) и назначаемых высшей властью воевод. Становление абсолютизма в России, как и в ряде иных государств, не отрицает возможности сохранения представительных учреждений при условии включения их в единую систему управления. Приказы — отечественная модель отраслевого управления; приказы, относящиеся к одной отрасли, объединяются в группы под началом одного судьи; приказы реализуют принцип единоначалия, отвергнутый коллегиями и восстановленный министерствами; приказные служащие — профессиональные чиновники, бюрократия. Государственная служба как в гражданской, так и в военной сфере постепенно переходит от принципа службы по роду к принципу годности к службе, признания личных качеств как основания для карьерного роста. Развитие армии связано с развитием европейской системы чинов полков нового строя, установлением военных разрядов, выполнением первичных полицейских функций. Между тем считать процесс становления абсолютизма при первых Романовых завершенным не представляется возможным в силу отсутствия преемственной связи между реформами второй половины XVII в. и реформами первой четверти XVIII в., резким изменением реформаторского курса Петром.

МЫСЛИТЕЛИ XVII В. О СУЩНОСТИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Ни сословное представительство, ни абсолютизм не являлись теми терминами, которыми оперировали в России XVII в. Великий князь, государь, царь, самодержец — перечень своего рода формул, сплетавшихся в официальном титуле русского монарха, осмысливавшихся его современниками. Одновременно это и этапы поступательного восхождения русской монархии к более высокому статусу и признанию в своем государстве и на международной арене. Вершина этого процесса в XVII в. — установление самодержавия.

Основой, без которой становление и развитие самодержавия были бы невозможны, являлось принятие русскими великими князьями в 1547 г. царского титула. Как известно, в этот год Иван IV венчался на царство. В дальнейшем царский титул стал неотъемлемой характеристикой всех русских монархов. Величаться царем — исключительное право монарха. Все более ранние титулы с таким правом связаны не были. Великий князь, с одной стороны, олицетворял высшую судебную власть и верховное управление, был главой финансовой системы страны и верховным собственником земель государства. С другой стороны — практика титулования великим князем допускала одновременное наличие подобного титула сразу у нескольких лиц. Государем величали и монарха, и хозяина холопов. Титулование царем — право монопольное. Соблюдение этого правила было незыблемым. В документах XVII в. мы находим свидетельства тому, как курьезный на первый взгляд случай послужил поводом для специального разбирательства и именного царского указа «Об урезании языка Проньке Козулину, если по розыску окажется, что он называл Демку Прокофьева *царем* Ивашки Татарина» (выделено мною. — Г. Т.) (Полное собрание законов ... , 1830: 592).

Титул «самодержец» появился в России при последних Рюриковичах, однако его признание обществом было подорвано периодом Смуты. Романовым пришлось данный титул реставрировать, а вернее — выстраивать свою власть так, чтобы ее характер соответствовал самодержавному статусу.

Современники самодержца царя Алексея Михайловича, анализируя отличия его власти от власти царей Смутного времени, главное из них видели в ограничительных записях, которые давали на себя «выборные» государи. Чиновник XVII в. Г. К. Котошихин писал: «Как прежние цари после царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на них были иманы писма, что им быть не жестким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати» (Котошихин, 2000: 150). Самодержец — божий наместник, полновластный правитель своего независимого государства, располагающий жизнью и смертью подданных. Главное же — самодержец — правитель, не скованный волей Боярской думы, имеющий необходимый аппарат для реализации своих личных решений. Обращаясь к Г. К. Котошихину, характеризующему царя Алексея, мы видим еще несколько важных особенностей этого правления. Первая — приказ Тайных дел, устроенный специально «для того, чтоб его царская мысль и дела исполнились все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали» (там же: 107); вторая — создание Ближней думы с ближними боярами и ближними окольничими, в которую «иные бояре и околничие, и думные люди <...> ни для каких нибуди дел не ходят, разве царь укажет» (там же: 46).

Все составляющие титулатуры русского монарха являлись терминами отечественного происхождения, Россия же в XVII столетии стала активным участником европейских процессов и не мыслила себя в отрыве от Европы. Проникновение в Россию идей, распространенных в Европе, становилось все более ощутимым. Политическая мысль Западной Европы и Восточной Европы постепенно соединялась в единое целое. Создавалась общая «система координат», в которой анализировались различные политические реалии, в том числе и власть монарха. Все большей становилась потребность соотнести самодержавие с теми формами монархической власти, которые были распространены в Европе и мире, в прошлом и настоящем.

Для России XVI–XVII вв., так же как и для Европы, начиная с эпохи Возрождения было характерно использовать в качестве базы своих рассуждений идеи Аристотеля. Начало научной разработке трудов и идей Аристотеля было положено Ф. Карповым, который обратился к такому сочинению, как «Никомахова этика», трактующему добродетель справедливости в ее различных проявлениях (Русская социально-политическая мысль ... , 2011: 216). Справедливость всеобщая — безусловная добродетель в наших отношениях с другими и состоящая в полном исполнении закона, если сам закон установлен правильно. Еще чаще, чем к «Этике», современники первых Романовых обращались к аристотелевской «Политике». Как известно, в «Политике» Аристотель указывает на правильные формы правления, к которым относит монархию, аристократию и политию, а также неправильные — тиранию, олигархию, демократию.

Для Г. К. Котошихина характерно противопоставлять власть самодержцев из числа первых Романовых власти тирана — Ивана Грозного.

Для иностранцев, посещавших Россию или живших и работавших в ней, обращение к идеям Аристотеля было нормой еще в большей степени, нежели для русских. Участник голштинского посольства к царю Михаилу Федоровичу А. Олеарий, анализируя тип власти, сложившийся в России, подчеркивал, что государь управляется со своими

подданными, как с холопами и рабами, как хозяин со своими слугами. И делал заключение: «Этот род управления очень похож на тот, который Аристотелем изображен в следующих словах: “Есть и иной вид монархии, вроде того, как у некоторых варваров имеются царства, по значению своему стоящие ближе всего к тирании”» (Олеарий, 1996: 225).

Аристотелевскую традицию использовал и хорватский богослов XVII в. Ю. Крижанич. Согласно Крижаничу монархия (самовластво) противостояла тирании (людодержству), единоличной власти, нацеленной на достижение выгод одного правителя. Самодержец (самовладец) опирается на закон, а не на произвол, защищает государство и подданных от внешней опасности, правит на благо себе самому и подданным, устанавливает законы, способные предотвращать несправедливые подати, торговые пошлины, откупа (Крижанич, 1965: 548–552, 567–569).

Будучи сторонником самодержавия, Крижанич в то же время отвергал царское титулование русских правителей, выступая за принятие королевского титула. Одновременно с этим он высмеивал и еще один столп русской идеологии — идею Третьего Рима. Как известно, данная концепция, развивавшаяся в России в XVI–XVII вв., говорила, в том числе, о происхождении рода российских государей от римского императора Августа и о поднесении византийским императором Константином Мономахом царских регалий великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Распространение данной идеи на Руси Крижанич относил к периоду Ивана Грозного и обвинял царя в том, что «Иван <...> честь, дарованную ему Богом, стал искать у людей. <...> показалось ему, что он бы еще больше прославился благодаря чужому римскому происхождению, и титулу, и регалиям, чем благодаря своему русскому роду» (там же: 618).

Официальные идеологи решали целый ряд насущных задач, одной из которых было международное признание России. К концу правления второго Романова — царя Алексея стало особенно важным восстановить в дипломатической переписке титулование русского царя величеством. Средневековая идеология Европы породила представления о том, что единственным государством является Священная Римская империя, символизировавшая весь христианский мир, управляемый папой и императором. «Величеством» могли титуловать только императора, иные же короли и цари могли удостоиться лишь титула «пресветлейшество». В 1675 г. наши переговоры с имперскими послами полным успехом не увенчались, встать на один уровень с императором правитель России смог позднее, при Петре I (Запись, учиненная в Москве между Российским и Цесарским дворами 9 октября 1675 г. о вручении послами грамот из рук самих государей, о титуловании российского государя величеством, а не пресветлейшеством и об исходатайствовании на все сие им послам от цесаря решительного положения (см.: Полное собрание законов ... , 1830: 1009)).

ГЕРБ ДЕРЖАВНЫЙ КАК СРЕДСТВО УСИЛЕНИЯ ВЛАСТИ РОМАНОВЫХ

По мере развития Московского царства менялся не только царский титул, но и большая государственная печать. С царствования Алексея Михайловича обычно ведут отсчет развития русской геральдики, предтечей которой были печати русских государей начиная с печати Ивана III. Интересно, что на ней две голова орла изображены с закрытыми клювами, а вот на печатях начиная с Василия III — с раскрытыми, из которых высовываются язычки.

Уже упоминавшийся нами А. Олеарий, несколько раз посещавший Россию с 1634 по 1643 г., писал, что русский царь «подобно его величеству римскому императору, имеет в государственном гербе и печати изображение двуглавого орла, хотя и с опущенными крыльями; над головами орла раньше изображалась одна, теперь же — три короны, в обозначение, помимо русского царства, еще двух татарских: Астрахани и Казани; на груди орла висит щит, дающий изображение всадника, вонзающего копьё в дракона...» (Олеарий, 1996: 225). Олеарий в трактовке изображения допускал ряд ошибок, а также неверно полагал, что «орел» был введен «тираном Иваном Васильевичем». Между тем иностранцы безошибочно устанавливали, что русские цари «хвалятся» своим происхождением «от крови римских императоров».

Щит на груди орла с изображением Георгия Победоносца — один из признаков герба Романовых. При последних Рюриковичах на щите изображался личный символ царя, например единорог при Иване Грозном.

После подписания в 1667 г. Андрусовского перемирия царь Алексей Михайлович издал указ, в котором была дана детальная характеристика большой государственной печати: «Орел двоголавый есть герб державный, великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царскаго величества Российскаго царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя царства, покаряющиеся Богом хранимому и высочайшей его царскаго величества милостивейшаго государя державе и повелению; на правой стороне орла три грады суть; а по описании в титуле, Великия и Малыя и Белья России, на левой стороне орла три грады своими писаньями образуют восточных и западных и северных; под орлом знак отчича и дедича; на персах изображение наследника; в пазноктех скипетр и яблоко, и являют милостивейшаго государя, его царскаго величества самодержца и обладателя» (Полное собрание законов ... , 1830: 737). Орел Романовых в отличие от орла Рюриковичей в своих лапах держал скипетр и державу, крылья орла, ранее опущенные, теперь были подняты вверх и полностью раскрыты. Московское государство в XVII в. стало признанной державой, активным участником важнейших европейских процессов.

Возвращаясь к осознанию властью самой себя, отметим одну фразу в описании государственной печати — «на персах изображение наследника». Что же велели утвердившиеся на престоле Романовы изображать на груди двуглавого орла, где, по нашим представлениям со времен Ивана III, всегда располагался щит с московским гербом — Георгий Победоносец, пронзающий копьём змия? О каком «наследнике» идет речь?

Обратимся к еще одному источнику, а именно — Московской Библии 1663 г. Книга имеет титульный лист с рамкой с изображениями святых и пророков. На фронтиспise — Бог Саваоф в облаках и сцены из Ветхого и Нового Заветов. Они обрамляют Российский герб — двуглавого орла, на груди которого вместо Георгия Победоносца — царь Алексей Михайлович. Чтобы не осталось сомнений в том, кто же собственно изображен, вокруг голов орла размещена запись «ВГЦВК АМ» — Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович; вокруг лап орла — запись «ВВМБРС» — Всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец» (Библия ... : Электронный ресурс).

1667 г. для России и царской династии был ознаменован не только завершением Тринадцатилетней войны, но и совершеннолетием наследника престола царевича Алексея Алексеевича (1654–1669). Его изображение должно было размещаться на груди орла.

Почему Романовы столь вольно обращались с гербом своего государства? Было ли это причудой усиливавшейся монархии или необходимостью? Не стоит забывать о том, что Смута, предшествовавшая восхождению Романовых на престол, стала борьбой за российский трон в европейском масштабе. В 1610 г. после низложения Василия Шуйского московское правительство — Семибоярщина — заключило с польским королем Сигизмундом III договор, согласно которому сын Сигизмунда Владислав должен был занять русский престол с условием принятия православия. Условие выполнено так и не было, Владислав не был венчан на царство, но боярское правительство королевича Владислава было низложено только в октябре 1612 г., а титул великого князя московского Владислав IV, будучи королем, прекратил использовать только после подписания Поляновского мира 1634 г.

Если для последних Рюриковичей было важно показать преемственность своей власти от Первого и Второго Рима, для Романовых идея Третьего Рима дополнилась и идеями законного наследования власти Рюриковичей, и легитимности передачи власти внутри своего дома. Право первого из новой династии — Михаила Федоровича на престол было дано Земским собором 1613 г., права потомков Михаила на царство утверждали второй Романов — Алексей Михайлович и вся достаточно мощная для того времени машина официальной идеологии. Создавались особо пышные церемонии объявления наследника, издавались царские указы, предписывавшие должностным лицам писать различные документы на имя самого царя и его наследника, обращаться к наследнику во время отсутствия государя в столице (Полное собрание законов ... , 1830: 402). Такая практика возникла в 1655–1656 гг., практически сразу после рождения ребенка, сделав его символом власти и династии, и продлилась вплоть до смерти Алексея Михайловича в 1676 г. Царевичу Алексею Алексеевичу не суждено было пережить своего отца, но его брат Федор был объявлен новым наследником и вступил в роль своего предшественника. Самому Федору Алексеевичу продолжить традицию не представлялось возможным. Взойдя на престол в 1676 г., Федор дождался рождения сына только к июлю 1681 г. Младенец вскоре умер. Наследниками Федора являлись его братья от разных браков Алексея Михайловича, мира между кланами Милославских и Нарышкиных не было.

Правила изображения герба, сложившиеся при Алексее Михайловиче, находили критиков среди тех персон российского политического олимпа, которые считали себя пострадавшими от усиливавшегося самодержавия. Первым среди них был низложенный патриарх Никон, когда-то ближайший друг и наставник второго Романова. Особого внимания Никона удостоилось изображение герба в Библии 1663 г. Согласно Никону «царское величество... на самого Бога возгорде широтою орла» (Самодержавное царство ... , 2004: 195).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни критика политических противников, ни многочисленные бунты XVII столетия, ни начавшаяся после смерти Федора Алексеевича борьба кланов царской фамилии за власть, ни грозные внешние противники не могли препятствовать дальнейшему развитию государства. Романовы, изначально выборные цари, сумели решить сложнейшую задачу утверждения на престоле династии. России, значительно расширившейся территориально за четыре века лидерства Москвы (XIV–XVII вв.), оставался один шаг до империи.

Власть первых Романовых носила самодержавный характер. Самодержавие можно признать новой ступенью на пути усиления власти царской и ее трансформации во

власть императорскую. Одновременно с этим самодержавие стало условием становления и дальнейшего развития абсолютизма. На ранних этапах развития самодержавия полностью отождествлять понятия «самодержавие» и «абсолютизм» вряд ли уместно, хотя в дальнейшем они смогут выступать в качестве синонимов.

Единого мнения среди мыслителей XVII столетия о самодержавии как «правильной» (в аристотелевской традиции) форме правления мы не встречаем. Самодержавца сравнивали как с тираном, опирающимся на произвол, так и с монархом, сила власти которого predetermined опорой на закон. Между тем своего рода «привкус» тирании — скорее порождение эпохи Ивана Грозного и трактовки событий того периода жившими в XVII в. Не стоит забывать и о том, что проблема тирании нередко увязывалась с проблемой рабства (холопства, крепостного права). Постепенно устанавливавшийся абсолютизм восточноевропейского образца, опиравшийся на крепостное право, не мог быть признан полностью «правильным» в системе ценностей Западной Европы, где становлению абсолютизма предшествовала отмена крепостничества. И все же и большинством современников, и потомками становление самодержавия в России рассматривается как явление, способствовавшее дальнейшему развитию и усилению Российского государства, явление прогрессивное.

Для первых Романовых самодержавие как полновластие в независимом государстве было гарантией существования династии, защитой права передачи власти по наследству. Эту же цель преследовали и многочисленные изменения в изображении герба, связанные с попытками заменить фигуру Георгия Победоносца конной фигурой правящего царя или же его наследника. Сыграв свою роль, но перестав быть необходимыми при усилении власти Романовых, новшества вскоре были упразднены. На века закрепилось другое — изображение двуглавого орла с поднятыми и раскрытыми крыльями, крепко держащего в своих лапах скипетр и державу. Российская держава ставила все новые и новые цели во внутренней и внешней политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон, П. (2010) Родословная абсолютистского государства. М. : Изд. дом «Территория будущего». 512 с.

Библия. М. : Печатный двор, 12 декабря 1663 [Электронный ресурс] // Rarus's gallery. Fine books, prints, photographs & icons. URL: <http://rarus.ru/slavonic/slav3/1735-biblia-1663.html> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 8.01.2015).

Ильин, В. В., Ахиезер, А. С. (1997) Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М. : Изд-во МГУ. 384 с.

Котошихин, Г. К. (2000) О России в царствование Алексея Михайловича / подг. публикации, вводная статья, комм. и словарь проф. Г. А. Леонтьевой. М. : РОССПЭН. 272 с.

Крижанич, Ю. (1965) Политика / подг. к печати В. В. Зеленина, пер. и комм. А. Л. Гольдберга, под ред. М. Н. Тихомирова. М. : Наука. 736 с.

Морова, О. В. (2008) Роль Земских соборов в управлении Московским государством при Михаиле Федоровиче : дис. ... канд. ист. наук. М. 233 с.

Олеарий, А. (1996) Описание путешествия в Московию. М. : Российские семена. 368 с.

Павлов-Сильванский, Н. П. (1910) Соч. : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича. Т. 2: Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. [8], 401 с.

Пенской, В. В. (2004) Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV — XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ : дис. ... д-ра ист. наук. М. 525 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. (1830) СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 1. 1649–1675 гг. 1072 с.

Русская социально-политическая мысль. IX–XVII вв. (2011) : хрестоматия / сост. С. В. Перевезенцев, подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова ; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. М. : Изд-во Моск. ун-та. 728 с.

Самодержавное царство первых Романовых (2004) / сост., вступ. ст., комм. Г. В. Талина ; под ред. С. В. Перевезенцева. М. : Социально-политическая мысль. 328 с.

Талина, Г. В. (2010) Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М. : Русский Мирь. 448 с.

Талина, Г. В. (2014) Европеизация Московской Руси // Историческое образование. №1. С. 35–59.

Тарановский, Ф. В. (2004) История русского права. М. : Зерцало. 272 с.

Черепнин, А. В. (1978) Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука. 420 с.

Шахматов, М. В. (2009) Исполнительная власть в Московской Руси. М. : Феория. 352 с.

Юшков, С. В. (1961) История государства и права СССР : учебник. 4-е изд. М. : Госюриздат. Ч. 1. 679 с.

Hellie, R. (1971) Enserfment and military change in Muscovy. Chicago ; L. : The University of Chicago Press. 432 p.

Roberts, M. (1967) The military revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish history. L. : Weidenfeld and Nicolson. 358 p. P. 195–225.

Дата поступления: 24.02.2015 г.

*SETTING A DYNASTY: PUBLIC THOUGHT AND STATE IDEOLOGY OF TSARHOOD
UNDER THE FIRST ROMANOV*

G. V. TALINA

(MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

The article investigates the type of power formed in Russia under the first Romanovs, as it can be found in the works of Russian and foreign historians, and books written by eyewitnesses of the times.

The main achievement of the official ideology of the 17th century was the consolidation of notions about the Romanovs as a dynasty. We look at how these results were achieved, paying special attention to the methods of the positioning the tsar power as comparable to that of European kings and thus pretending to attain the status of an emperor. We compare the ideas of Tsarhood as developed by ‘official ideologists’ and by public thinkers. The possibility of alternative versions of the monarch’s power in 17th century Russia are also considered.

The wide spread of Aristotle’s ideas in the public thought led to the reinterpretation of his “Politics” under the new conditions of the 17th century. The autocratic monarchy as opposed to tyranny became the ideal type of power for both public and state ideologists.

We also analyze the evolution of Russia’s coat of arms during the time, distinguishing between the novelties which were subsequently preserved and those lost to time.

We take a closer look at the concepts developed by such Russian researchers as N. P. Pavlov-Silvanskii, F. V. Taranovskii, M. V. Shakhmatov, S. V. Yushkov, L. V. Cherepnin, V. V. Ilyin, A. S. Akhiezer. Of schools in foreign historiography two are represented here — proponents of “military revolution” theory and the school of P. Anderson.

We conclude that the contemporaries of the first Romanovs based their understanding of power on personal characteristics of an autocrat. For professional historians, the understanding of power in the 16th–17th centuries must be complemented with studying the state machinery in its evolution. Our position is that we should distinguish between the national and European types of absolutism both appearing in Russia.

Keywords: Russian history, Russian state system, Russian monarchy, representation of estates, absolutism, Grand Prince, sovereign, Tsar, autocrat.

REFERENCES

- Anderson, P. (2010) *Rodoslovnaia absolutistskogo gosudarstva* [Lineages of absolutist state]. Moscow, Territoria budushchego Publ. 512 p. (In Russ.).
- Bibliia. Moskva. Pechatnyi dvor, 12 dekabria 1663 g.* [Bible. Moscow. The Print Yard, December 12, 1663]. Rarus's gallery. Fine books, prints, photographs & icons [online] Available at: <http://rarus.ru/slavonic/slav3/1735-biblia-1663.html> [archived in WebCite] (accessed 8.01.2015). (In Russ.).
- Ilyin, V. V. and Akhiezer, A. S. (1997) *Rossiiskaia gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy* [Russia's statehood: Origins, traditions, and prospects]. Moscow, Moscow State University Publ. 384 p. (In Russ.).
- Kotshikhin, G. K. (2000) *O Rossii v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha* [Russia in the reign of Aleksey Mikhailovich] / ed. with introduction, comment. and glossary by Prof. G. A. Leontieva. Moscow, ROSSPEN Publ. 272 p. (In Russ.).
- Krizanić, Yu. (1965) *Politika* [Politics] / ed. by M. N. Tikhomirov. Moscow, Nauka Publ. 736 p. (In Russ.).
- Morova, O. V. (2008) *Rol' Zemskikh soborov v upravlenii Moskovskim gosudarstvom pri Mikhaile Fediroviche* [The role of the Zemsky Sobor in ruling Moscow State in the reign of Mikhail Feodorovich] : diss. ... Candidate of History. Moscow. 233 p. (In Russ.).
- Olearius, A. (1996) *Opisanie putestviiia v Moskoviiu* [A description of the travel to Muscovy]. Moscow, Rossiiskie Semena Publ. 368 p. (In Russ.).
- Pavlov-Silvanskii, N. P. (1910) *Sochineniia* [Works] : in 3 vols. St. Petersburg, M. M. Stasiulevich's Printing House. Vol. 2: Ocherki po russkoi istorii 18–19 vv. [Essays on Russian history in the 18th–19th centuries]. [8], 401 p. (In Russ.).
- Penskoj, V. V. (2004) *Razvitie vooruzhennykh sil Rossii i voennaia revoliutsiia v Zapadnoi Evrope vo vtoroi polovine 15 — 18 vv.: sravnitel'no-istoricheskii analiz* [The development of military forces in Russia and the military revolution in the Western Europe in the later 15th–18th centuries: a comparative and historical analysis] : diss. ... Doctor of History. Moscow. 525 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Tom 1. 1649–1675 gg.* [Complete laws of Russian Empire. Vol. 1. 1649–1675]. (1830) St. Petersburg, Publishing House of the 2nd Department of Imperial Chancellery. 1072 p. (In Russ.).
- Russkaia sotsial'no-politicheskaia mysl'. IX–XVII vv.* [Russian social and political thought. The 9th–17th centuries] (2011) : A reader / S. Perevezentsev ; comp. by S. V. Perevezentsev, texts prepared by S. V. Perevezentsev, G. V. Talina, D. V. Ermashov, A. S. Ermolina, V. S. Zubova ; ed. by A. A. Shirinyants, S. V. Perevezentsev. Moscow, Moscow State University Publ. 728 p. (In Russ.).
- Samoderzhavnoe tsarstvo pervykh Romanovykh* [Autocratic stardom of the first Romanovs] (2004) / comp., texts prepared by G. V. Talina ; ed. by S. V. Perevezentsev. Moscow, Sotsial'no-politicheskaia mysl' Publ. 328 p. (In Russ.).
- Talina, G. V. (2010) *Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny 17 — pervoi chetverti 18 veka* [Choosing the path: Russian autocracy in the second half of the 17th — first quarter of the 18th centuries]. Moscow, Russkii Mir» Publ. 448 p. (In Russ.).
- Talina, G. V. (2014) *Evropeizatsiia Moskovskoi Rusi* [The Europeanization of the Moscow Rus']. *Istoricheskoe obrazovanie*, no. 1, pp. 35–59. (In Russ.).
- Taranovskii, F. V. (2004) *Istoriia russkogo prava* [History of Russian law]. Moscow, Zertsalo Publ. 272 p. (In Russ.).
- Cherepnin, L. V. (1978) *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v 16–17 vv.* [Zemsky sobors of Russian state in the 16th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ. 420 p. (In Russ.).
- Shakhmatov M. V. (2009) *Iсполnitel'naia vlast' v Moskovskoi Rusi* [Executive power in the Moscow Rus']. Moscow, Feorii Publ. 352 p. (In Russ.).
- Yushkov, S. V. (1961) *Istoriia gosudarstva i prava SSSR* [History of state and law in the USSR] : A textbook. Moscow, Gosizdat Publ. Part 1. 679 p. (In Russ.).
- Hellie, R. (1971) *Enserfment and military change in Muscovy*. Chicago ; London, The University of Chicago Press. 432 p.

Roberts, M. (1967) The military revolution, 1560–1660. In: Roberts, M. *Essays in Swedish history*. London, Weidenfeld and Nicolson. 358 p. Pp. 195–225.

Submission date: 24.02.2015.

Талина Галина Валерьевна — доктор исторических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1. Тел.: +7 (495) 438-17-41. Эл. адрес: gtalina@yandex.ru

Talina Galina Valerievna, Doctor of History, Professor and Acting Chair, Department of History, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University. Postal address: Bldg. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 438-17-41. E-mail: gtalina@yandex.ru